

VI.

Крымъ и Ливонія.

Одновременная борьба съ Крымомъ и Ливоніей была невозможна. Какъ бы ни была заслужена та критика, которой подвергался Гроз-

тый какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, выборъ, сдѣланный имъ, былъ совершенно основателенъ. Итти на Крымъ было не то, что итти на Казань и Астрахань. Съ береговъ Москвы къ берегамъ Волги переправа войскъ и провіанта была обезпечена сѣтью рѣчныхъ путей, пересѣкающихъ относительно заселенныя области. Дорога въ Крымъ уже отъ Тулы и Пронска представляла изъ себя пустыню, громадныя пространства безъ пристанища, безъ средствъ пропитанія. Объ эти степи до XVIII столѣтія разбивались неоднократно усилія лучшихъ полководцевъ Россіи. И, при всемъ томъ, за Крымомъ была опасность встрѣтиться съ Турціей XVI столѣтія, Турціей Сулеймана Великаго. Съ другой стороны, выборъ Ивана не былъ совершенно свободенъ. Съ 1554 года онъ велъ войну изъ-за Ливоніи со Швеціей. Изъ-за нея же были постоянныя войны съ Польшей, прекращавшіяся лишь благодаря непрочнымъ перемиріямъ. Разрѣшеніе этихъ двухъ великихъ задачъ и диктовалось одинаковой необходимостью. Какъ ни былъ безпокоенъ Крымъ, съ нимъ все-таки можно было подождать. Въ Ливоніи же ни поляки, ни шведы не ждали. Они, въ свою очередь, не могли отложить до другого времени внимательство въ дѣла Ливоніи, такъ какъ Москва должна была ихъ предупредить, чтобы навсегда не лишиться доступа къ Балтикѣ. Старая колонія тевтонскихъ рыцарей къ этому времени приходила въ то состояніе, которое впослѣдствіи извѣдаетъ Польша. Оно всегда, въ нѣкоторомъ родѣ, будитъ алчность сосѣдей: домъ горѣлъ: онъ долженъ былъ достаться тому, кто первый придетъ гасить огонь. Иванъ не могъ и думать о томъ, чтобы отказаться отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Даже Казань была побѣждена имъ при содѣйствіи Запада, съ помощью европейскихъ инженеровъ и мастеровъ, которыхъ онъ набиралъ въ Германіи, Венгріи и Италіи. Но, если въ Италіи и, отчасти, въ Германіи были склонны помочь этому, другія страны Европы, въ особенности наиболѣе близкія, держали себя недовѣрчиво и враждебно. Онѣ перехватывали мастеровъ, препятствовали покушкѣ болѣе совершенныхъ военныхъ матеріаловъ и, вообще, пытались сохранивъ между собою и черезчуръ предпріимчивымъ сосѣдомъ стѣну вѣкового обособленія. Ливонія была окномъ—тѣмъ самымъ окномъ, которое Петръ Великій прорубилъ впослѣдствіи ударами своего топора. Представлялся случай сдѣлать это сейчасъ и, видимо, безъ большихъ усилій. Отказаться отъ этого было бы безуміемъ. Но развѣ Иванъ не могъ воспользоваться для той же цѣли принадлежа-

щимъ ему побережьемъ Финскаго залива отъ впаденія Сестры до устья Наровы? Такое возраженіе дѣлалось, но оно не убѣдительно. Сынъ Василія не думалъ основывать Петербургъ. Даже если бы онъ обладалъ геніемъ Петра, возможно, онъ счелъ бы себя неспособнымъ возложить на своихъ подданныхъ гигантское и парадоксальное бремя подобнаго сооруженія. Чтобы это дѣло, спорное по своей цѣнности, стало возможнымъ полтора столѣтія позже, необходима была полуторавѣковая работа, обеспечивающая побѣду самодержавной власти и дающая въ руки сына Алексѣя орудіе, которымъ не обладалъ Иванъ Васильевичъ. Съ другой стороны, самъ Петръ не удовольствовался этимъ болотистымъ портомъ на негостепріимномъ берегу, и, казалось, что Ивану надо было только протянуть руку, чтобы найти лучший.

И, въ самомъ дѣлѣ, если его предпріятіе не удалось, то, исключительно, потому, что онъ натолкнулся на неожиданность, которую нельзя было предвидѣть. Эта неожиданность, это чудо была фантастическая карьера Баторія. То былъ настоящій король въ странѣ, гдѣ давно уже были короли только для смѣха,—венгерскій рыцарь, укротившій польскаго коня и стремительно бросившійся на немъ, чтобы преградить дорогу московскому всаднику. Скачка продолжалась только 10 лѣтъ, но этого было достаточно, чтобы совершенно измѣнить взаимное положеніе и шансы. Этого было довольно, чтобы замѣнить Польшу Ягеллоновъ, которую Москва знала, которой не вѣрила и не боялась, другою Польшей, силы которой она не подозрѣвала и не могла угадать. Эта скачка превратила триумфъ, который, казалось, держать уже въ своихъ рукахъ покоритель Казани и Астрахани, въ его пораженіе; она обратила въ разорительную обузу предпріятіе, въ которомъ, судя по всему, царь долженъ былъ положиться на свою счастливую звѣзду.

Въ это дѣло онъ несъ обаяніе своихъ недавнихъ подвиговъ и сіяніе славы, блескъ котораго былъ ярче лишь у единственнаго изъ его преемниковъ. Онъ несъ въ него никѣмъ не преевозойденную популярность. Побѣды и реформы Петра Великаго, какъ менѣе понятныя, должны были получить менѣе высокую оцѣнку. Иванъ же, побѣдитель ислама, законодатель, заботливо пекущійся объ интересахъ низшихъ классовъ населенія, грозный судья только для «великихъ» — вызывалъ удивленіе даже у иностранцевъ. По мнѣнію Дженкинсона, высказанному въ 1557 году., ни одинъ христіанскій властитель не былъ одновременно и такъ страшенъ своимъ подданнымъ, и такъ лю-

бимъ ими. Говоря съ похвалою о правосудіи, творимымъ этимъ несравненнымъ государемъ съ помощью простыхъ и мудрыхъ законовъ, хваля его привѣтливость, гуманность, разнообразіе его познаній, блескъ двора и могущество его арміи, венеціанскій посолъ Фоскарини отводитъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди властителей того времени-будущему противнику Баторія. Съ чувствомъ удовлетворенія перечисляетъ онъ его отряды, обмундированные по-французски, его пушкарей, выправленныхъ по-итальянски, его удивительно обученныхъ пиццальниковъ и утверждаетъ, что ни одна европейская держава не обладаетъ такимъ страшнымъ военнымъ аппаратомъ. Ослабленный призракомъ побѣды, онъ уже видитъ 2 арміи въ 100,000 человѣкъ каждая, готовыхъ двинуться въ походъ по мановенію великаго царя. «Все это почти невѣроятно,—прибавлялъ онъ,—и, однако, безусловно вѣрно». Впрочемъ, дѣйствительность, которую я пытался выше выяснитъ, не обезпечивала въ настоящій моментъ Ивану перевѣса надъ сосѣдями, шведами и поляками. Онъ имѣлъ многочисленную армію, полную казну, преимущество сильно укрѣпленной власти, наконецъ, увѣренность въ себѣ, которую даетъ успѣхъ. Но его могущество, слава, популярность, все это готово было низвергнуться въ безднукоторой не видѣли ни Иванъ, ни другіе, и глубину которой никто не могъ измѣрить *).

*) Для справокъ объ арміи Ивана: Stein, Geschichte des russischen Heeres, 1895, стр. 15—22; *Павловъ-Сильванскій*, Государевы служилые люди, 1898, стр. 119 и сл.; *Хльбниковъ*, О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, 1869, стр. 179 и сл. Источники: Chancellor и Jenkinson, *Nakluyt*, I; *Флетчеръ* о. с.; Vigenère, Pologne, 1573, стр. LXXXI и сл. — Объ осадѣ Казани: *Ричковъ*, Очеркъ исторіи Казани, 1867; *Царинскій*, Очеркъ древней Казани, 1877; *Щербатовъ*, Исторія Россіи, т. V; *Карамзинъ*, Исторія Государства Россійскаго, т. III, гл. IV. Источники: русскія лѣтописи, именно Царственная книга, рассказъ который воспроизведенъ въ никоновской лѣтописи. *Курбскій* сомнителенъ. Критика этихъ источниковъ *Иловайскимъ* въ Исторіи Россіи, т. III 624 и *Аванасьевымъ* въ соч. Къ 350 лѣтію покоренія Казани 1902 г. О Крымѣ и о Ливоніи *Карамзинъ*, т. VIII, гл. V; *Полевой*, Исторія русскаго народа 1833 г., т. VI, гл. III; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. VI, гл. III; *Костомаровъ*, Статья въ Вѣстникѣ Европы, 1871, октябрь; *Бестужевъ-Рюминъ*, Исторія Россіи, т. II, гл. V; *Иловайскій*, Исторія Россіи, III, 218, 266.